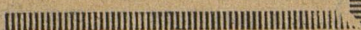

ВЕТРУ ВЕКА НАВСТРЕЧУ

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС,

лауреат Ленинской премии

ВРЕМЯ смелых поисков — так прежде всего хочется сказать о том, что мы переживаем сегодня.

Его, это время, я ощущаю во всем. И в небывалом ускоренном ритме движения народа в будущее. И в дерзновенных решениях последних съездов партии. И в захватывающем дух взлете нашей науки. И даже в тех временных трудностях, которые хотя и переживаются нелегко, но переживаются, если знаешь, что это, действительно, трудности роста, трудности поиска.

Его, это время, я ощущаю и как писатель, нормально занимающийся своим трудом, — вижу новое рождение в нашей стране хорошей творческой атмосферы, радуюсь, что есть у нас взрыхленная нива для новых экспериментальных всходов, что мы, писатели, не стоим на месте, идем вперед. Идем вперед не в одиночку, а в каком-то невиданном доселе товарищеском единении, вбирающем в себя и опыт старших и горение молодых. На меня, писателя среднего поколения, воздействуют с обеих сторон: у одних учусь жизненному опыту, другие заражают меня своей юной устремленностью, заставляют постоянно искать и не успокаиваться. И это очень здорово.

Его, это время, я ощущаю и в той все громче звучащей изумительной симфонии, которую составляют поэтические голоса наших братских народов. Может быть, эту симфонию я потому воспринимаю особенно остро, что глубоко взволнован работой, проделанной выдающимися русскими поэтами, которые перевели мои стихи о человеке на один из самых совершенных литературных языков мира — на русский язык,

и тем самым помогли моей скромной книге получить такое широкое признание. Но не только поэтому. В смелой и вдохновенной работе моих русских друзей я вижу частицу творческой дружбы, преобразующей национальные богатства литовского народа в фонд мировой культуры.

Конечно, то, что все мы делаем теперь, — только подготовка к еще более значительному будущему и к еще более серьезной работе. Но нельзя не радоваться, что, наконец, наступает зрелость, что пришло время большого, интересного, волнующего искусства.

Было бы нескромным считать, что именно мы создали или создаем это великое искусство. Может, еще не создали и, может, не мы его создадим. Но все равно кто-нибудь его создаст! Независимо от того, хочет этого кто-нибудь или не хочет, жизнь неумолимо пролагает свой путь на новую ступень. Так же и в искусстве.

Мы хорошо знаем, как невесело всегда заканчиваются попытки остановить течение жизни. Нет ничего более могучего, чем сама жизнь. Потому-то художник должен всегда говорить только жизненную правду. В этом его творческое горение, его смелость, высший смысл его вдохновенного труда. Труд неспокойного, не всегда благодарного для самого художника — пусть хотя бы и так. Но прогресс жизни важнее, чем здоровое сердце и равнодушные мещанские нервы.

К такому творчеству зовет нас новая Программа партии. Она вся — гимн творческому могуществу человека.

В свое время этого человека в глазах художников несколько заслонил культ одной личности. Но

он преодолен — и во всем величии поднимался Человек.

И когда мы снова вгляделись в человека раскрытыми глазами, то первое впечатление было таково, словно мы наново нашли его, хотя по сути дела нам ничего не приходилось открывать и изобретать. А ведь то, что найдено наново, всегда бесконечно прекрасно, величаво, пленительно. Таковы истоки новой волны восхищения человеком, любви к человеку в нашем искусстве.

Вместе с тем это реалистическая точка зрения на реального человека. Правда, когда мы так восхищаемся им, он оказывается в наших книгах подчеркнута гиперболичным, часто — с большой буквы. Ну и что ж? Следует ли бояться этого?

Недавно кто-то сказал мне:

— Вы показываете прекрасного человека. Но разве есть уже такой? Не человек ли это будущего?

Я не футурист. Я реалист. И верю, что такой человек уже есть! Из всех многочисленных писем, полученных мною как автором последней книги стихов, я сделал один вывод — человек, как никогда раньше, очень хочет быть прекрасным, подлинным Человеком. И, как никогда раньше, он ищет и утверждает в себе черты такого Человека. Разве это не замечательная черта нашего времени?

Если бы человек и не достиг еще такого роста, разрешите поэту, художнику испытать и своеобразие чувства матери-роженницы. Какая же мать, кормя грудью новорожденного, не представляет его себе в будущем большим, красивым и счастливым? Это священное материнское чувство близко нашим писателям, создающим и любящим нового человека, который рождается в нашем обществе.

Нет, не в «золотых снах» мы видим его. Мы уже осязаем ежедневно все более яркое внутреннее духовное освобождение человека. Мы с радостью видим, как он освобождается от сковывавшего его многие века эгоизма, суеверий, рабского угодничества. С каждым днем все больше раскрываются глаза человека и потягивается, пробуждаясь от сна история, прекрасно сложенный, свободный духом и телом, крепкий, сильный человек. И как кипит в его руках работа! Кому, как не поэтам,петь чудесный гимн в его честь? Тебе, наш новый человек, мы посвящаем свое слово. Тебе!

Тебя мы ищем в жизни. Поиски эти трудны, иногда неудачны, но у нас они не могут быть безысходными. Потому что мы смотрим на тебя в коммунистической перспективе. А в такой перспективе нельзя не увидеть человека далеко идущим и обретающим небывалый рост.

Мы знаем, что человек — существо сложное и противоречивое. Но мы умеем выделять в этой сложности и противоречивости то, что движет человека вперед, что связывает его со столбовой дорогой истории. Вот почему нам глубоко чужд пессимистический взгляд на человека, свойственный буржуазной культуре, которая бессильно капитулирует перед злом.

Если в странах старого мира у художников падает из рук великое знамя гуманизма, то мы, художники нового, коммунистического мира, призваны еще выше поднять его, начертать на нем красной кровью своих сердец: все для человека!

У них — человек человеку волк. У нас — человек человеку друг, товарищ и брат.

Братское, товарищеское, друже-

ское чувство в сердце надо взращивать. А что может лучше возбуждать и делать такое чувство, как не литература, живопись, музыка?

Эта благородная миссия нашего искусства приносит нам, художникам, огромную радость творчества и в то же время вызывает в нас неумирающее, постоянное тревожащее чувство огромной ответственности. И прежде всего, я думаю, она зовет нас к смелым, дерзанным поискам нового в жизни и новых форм художественной выразительности.

Нигде, ни в какие времена люди не творили по канонам, установленным навсего века. Жанры, стили, манеры, направления вырастали друг из друга, скрещивались, соревновались между собой, отрицали или продолжали развиваться. Меняясь, эпоха всегда выдвигала новые эстетические принципы. Нашему обществу, являющему собой новую эру в истории человечества, тем более чужды какие-либо застывшие эстетические каноны. Его высший принцип — творческий поиск.

Конечно, было и у нас в искусстве время, когда слово «искания», появившееся в нашем повседневном словаре, сопровождалось обильным градом камней и ссылок на классические традиции. Остались еще такие камнетопатели и сейчас, хотя теперь им гораздо труднее живется. Но В. И. Ленин доказал нам, что самая лучшая традиция — революционная, новаторская. Кто хочет, может придерживаться иного мнения. А мне из всех традиций больше всего по душе именно традиция революционная — традиция непрестанных исканий и постоянного обновления.

Искания перестали бы уже быть исканиями, если бы канонизирова-

лись одна манера, один почерк, один стиль — такая канонизация принесла в свое время немало вреда искусству. Красота искания в том, что оно приносит разносторонность, необычайно обогащает возможности искусства.

О таких исканиях теперь уже можно говорить не абстрактно — они дали ощутимые результаты в архитектуре и живописи, в музыке и декоративно-прикладном искусстве, в театре и кино, в литературе и книгоиздательстве. И поэтому непонятно сопротивление, которое встречают иногда добрые тенденции поисков. Конечно, не всякое манерно написанное произведение или же ученический, эпигонский опус нужно объявлять новаторством. Это азбучная истина. Но она не должна заслонять от нас преобразующую силу настоящих творческих поисков.

Искания — это горение и тревога, это открытие новых больших возможностей, новых просторов, новых связей человека с историей, временем, эпохой.

Я люблю космическую ракету. И люблю простого серого земного соловья. Слушая песню земного соловья, человек смотрит на звезду, в которую скоро вонзится ракета. И, должно быть, в гуле ранеты человек будет тосковать по лирическим ассонансам колоратуры соловья. Так в человеческом восприятии сливаются воедино самые отдаленные эпохи, так рождаются его новые связи с миром. Уловить и по-новому передать постоянное движение этих связей нельзя без непрерывного творческого горения, поиска.

И еще о соловье. Он часто так хмелеет от своих трелей, что получает инфаркт и падает с ветки. Если художник боится рисковать

своим сердцем, его искусство остается холодным. Настоящее искусство требует полной самоотдачи, риска, смелости, самопожертвования, самоотречения.

Мы еще не можем различить во всех деталях грядущее искусство коммунизма. Если провести к нему линию через деревянную лагу прошлого, то можно увидеть его на один манер. А если вглядеться в него сквозь призму изумительного Кремлевского Дворца съездов с его конструкциями из стекла и металла, то можно представить его себе по-иному. Мне кажется, что второе представление ближе к истине, но вряд ли и Кремлевский Дворец съездов следует возводить в канон наших поисков в искусстве — верю, в ближайшем будущем возникнут и другие не менее прекрасные сооружения.

Верю потому, что вижу наше многонациональное искусство в светлой оптимистической перспективе, тесными узами связанное с передовым искусством мира, которое вместе с нами вдохновлено временем смелых поисков. Вера эта порождает творческую радость, помогает не пасть духом, когда отблески холодной войны сверкают в окнах моего дома.

Большое, прекрасное, смелое искусство — огромная сила даже тогда, когда над вздрагивающей землей поднимаются атомные «грибы».

Такое искусство всегда будет нужно человеку.

